

КАНДИДАТ

ПОСТУПЛЕНИЕ

В АКАДЕМИЮ

ШЕРЕМЕТЬЕВЫ

ПРИКАЗ

СЛОВО — ЗАКОН
ЦЕНА — КРОВЬ

ПОГЛОЩЕНИЕ

КОПИРОВАНИЕ
ЧУЖАЯ МАГИЯ — МОЯ СИЛА

КОНТРАКТ

ПОДПИСАНО КРОВЬЮ
СКРЕПЛЕНО ЖИЗНЬЮ

Lost In Space

Наследник, которого не должно быть

Lost In Space

**Кандидат, поступление
в Академию**

«Автор»

2026

In Space L.

Кандидат, поступление в Академию / L. In Space — «Автор»,
2026 — (Наследник, которого не должно быть)

Я очнулся в другом мире в теле юного княжича Дмитрия Шереметьева, ученика Имперской магической Академии. Казалось бы, живи да радуйся: титул, деньги, будущее. Если бы не одна мелочь — родной клан давно живёт по чужим правилам, родители мертвы, а власть в доме держит дядя, которому наследник совершенно ни к чему. В довесок ко всем семейным радостям у меня просыпается редчайший источник императорской магии приказа и контракта, где каждое слово может стать законом — но за любой закон приходится платить кровью и жизненной силой. А ещё со мной остаётся опасный дар прежней жизни: поглощение и копирование чужой магии. Слишком много силы для парня, которого хотят списать в несчастный случай. В Академии меня встречают хейтеры, дуэли и правила, написанные не для таких, как я.

Содержание

Глава 1	5
«Совет и запрос»	6
Глава 2	8
«Право печатей»	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Lost In Space

Кандидат, поступление в Академию

Глава 1

«Совет и запрос»

У Академии была одна неприятная привычка: она делала вид, что время принадлежит ей.

— **Тебя будут провоцировать,** — продолжил дядя. — В Академии у многих есть интересы. У Демидовых, у Салтыковых, у Черкасских Ты должен быть осторожен.

Он перечислял кланы так, будто читал список покупок. Я сидел напротив, держал спину ровно и делал вид, что слушаю спокойно. Внутри было другое: я отмечал каждое имя как возможный удар.

— Демидовы, — повторил я, чтобы запомнить.

— Да, — кивнул дядя. — **Особенно они.**

Он не объяснил почему. И это было хуже любого объяснения. Когда взрослые не поясняют — значит, либо слишком грязно, либо слишком опасно, либо слишком лично.

Мы разговаривали в комнате для гостей при академическом крыле — в той самой, где мне велели ждать указаний. Указания были простыми: не выходить без сопровождения, не разговаривать лишнего и, если появится сектор, не пытаться быть героем. Я к этому списку добавил своё: **не доверять тону**, каким бы ровным он ни казался.

Дядя встал, поправил манжет.

— Ещё одно, Дмитрий, — сказал он уже мягче. — Здесь тебе будут улыбаться. Иногда даже искренне. Но улыбка — это не доказательство.

— А что доказательство? — спросил я.

— Бумага, — ответил дядя. — И печать. Всё остальное — настроение.

Неожиданное посещение дяди, заставило меня задуматься, может с ним не все так однозначно и если он прав, то у Академии есть два вида людей: те, кто защищают печатями, и те, кто печатями убивают.

И я, похоже, оказался в споре между ними.

Коридоры Академии были одинаково чистыми и одинаково неуютными. Стража вежливо кивала, студенты делали вид, что меня не замечают, но делали это слишком синхронно, чтобы быть случайностью.

Рудницкий нашёл меня у лестницы — как будто у него был внутренний компас на неприятности.

— Кандидат Шереметьев, — сказал он. — Идём. Сначала — ходатайство в Совет.

— А потом? — спросил я.

— Потом вы будете молчать там, где хочется говорить, и говорить там, где хочется молчать, — ответил он. — Это и есть правовая практика.

— Звучит как наказание, — заметил я.

— Почти, — сухо согласился Рудницкий.

Мы дошли до канцелярии Совета. Дверь была тяжёлая, и у меня появилось абсурдное желание извиниться перед ней за то, что сейчас мы начнём здесь оставлять следы.

Рудницкий постучал по-уставному: два коротких, один длинный.

Открыла писец в серой мантии, посмотрела на Рудницкого, потом на меня — и в её взгляде я увидел то, что видят на складе, когда приносят новый ящик: оценку, куда поставить, чтобы не мешал.

— Пять минут, — сказала она. — Не больше.

Внутри сидел старший регистратор с бородкой и привычкой слушать так, будто каждый звук — потенциальная ошибка.

— Рудницкий, — произнёс он. — Что у вас?

Рудницкий положил папку, запечатанную синей печатью Академии.

— Ходатайство в Совет Академии. Открыть полное дело Сцепки / Якоря наследственных линий / Шереметьев, — сказал он. — Основание: безопасность субъекта, межведомственный спор и попытка несанкционированной коррекции.

Регистратор пролистал.

— Закрыто по требованию Совета соглашения, — сказал он. — Вы знаете процедуру.

— Поэтому и подаём через Совет, — спокойно ответил Рудницкий. — И фиксируем.

Регистратор поднял взгляд на меня.

— Вы понимаете, кандидат, что регистрация автоматически уведомит межведомственный реестр? — спросил он.

— Понимаю, — ответил я. — Я хочу, чтобы они узнали официально, а не по слухам.

Регистратор повёл губами — почти улыбка, но без тепла.

— Редкая позиция, — сказал он. — Обычно боятся шума.

— Я уже пробовал тишину, — сказал я. — Не помогло.

Рудницкий еле заметно кивнул — одобрил формулировку.

Регистратор посмотрел на подписи. Две стояли, третья — пустая.

— Ещё одна подпись? — спросил он.

— Магистр Бельская, — сказал Рудницкий. — Как эксперт по якорю. Это проверка участия.

Регистратор постучал ногтем по листу.

— У вас будут проблемы, — сказал он устало. — С сектором. С опекой. И с самой Бельской.

— У нас уже есть проблемы, — ответил Рудницкий. — Мы просто придаём им форму.

Штамп ударил по бумаге.

ПРИНЯТО. РЕГИСТРАЦИЯ

Звук показался мне почти приятным. Как щелчок замка в двери, которая наконец закрылась как надо.

— Теперь два дня, — сказал Рудницкий. — Или меньше.

— Почему меньше?

— Потому что в Академии слухи бегают быстрее, чем писцы, — ответил он. — А сектор бегаёт быстрее слухов.

К вечеру я возвращался в свою комнату. Сопровождения на этот короткий путь не дали — внутренний контур, безопасно, как сказал один из стражей. Я запомнил: **когда говорят безопасно, обычно что-то проверяют.**

Глава 2

«Право печатей»

У Ратникова, на двери висели сразу три таблички, и каждая из них предупреждала по своему:

КАФЕДРА ПРАВА ПЕЧАТЕЙ

Посторонним вход воспрещён. Студентам вход разрешён, но не гарантирован.

Третья была приписана от руки:

Не произносить формулировки, способные стать обязательством. Особенно вслух.

Рудницкий остановился рядом и постучал — не, как в канцелярии. Три удара, пауза, один короткий. Как будто это был не вход, а пароль.

За дверью щёлкнул замок. Открыли не сразу. Сначала на нас посмотрели в щель, как на подозрительную посылку.

Потом дверь распахнулась.

На пороге стоял человек лет сорока с лишним — в мантии без лишних украшений, но с идеальной посадкой, как у военных. Лицо сухое, глаза внимательные. Не злые. Опасные ровно настолько, насколько опасен человек, который привык быть правым.

— Магистр Рудницкий, — сказал он. — И ваш объект?

— Кандидат Шереметьев, — ответил Рудницкий.

Ратников посмотрел на меня и вдруг слегка приподнял бровь — словно увидел что-то, что не обязан был видеть.

— Заходите, — произнёс он.

Мы вошли.

Кабинет оказался странно простым: стол, два кресла для посетителей, книжные шкафы до потолка и доска. На ней вместо формул были фразы, написанные аккуратным почерком:

Сказанное вслух — уже проект печати.

Печать любит свидетелей.

Контракт любит тишину.

Под ними — ещё одна строчка, зачёркнутая дважды:

Я клянусь

Я сглотнул. Почему-то стало понятно: здесь учат не магии. Здесь учат **не умереть от собственной речи.**

Ратников сел за стол, не предлагая нам сесть. Это был честный способ показать статус.

— Я слышал, — сказал он, — что вы зарегистрировали ходатайство по Сцепке.

Рудницкий слегка кивнул:

— И получили регистрацию.

— А также слухи, — добавил Ратников. — Слухи вы получаете быстрее регистраций.

Он посмотрел на меня:

— Вы хотели сказать мне фразу.

Я вспомнил письмо Регентской канцелярии, серые глаза служанки и то, как она шагнула в воздух.

— Я видел курьера без лица, — произнёс я.

Ратников не удивился. Только вздохнул так, будто ему принесли долгожданную работу на вечер.

— Понятно, — сказал он. — Значит, вас уже пробовали вести по каналу доставки, который нельзя потом доказать.

Я моргнул.

— Доставки? — переспросил я.

— Любая бумага — доставка, — ответил Ратников. — Любая печать — доставка. Любая улыбка — доставка, если в ней есть намерение. Но курьер без лица — это уже класс выше.

Он поднялся, подошёл к доске и постучал пальцем по второму пункту:

— **Печать любит свидетелей.** Это ваша защита и ваша ловушка. Если вы дадите Приказ при свидетелях, он станет сильнее. Но тогда он станет **общественным фактом.**

Рудницкий кашлянул — негромко. Ратников бросил на него быстрый взгляд, как на человека, который знает слишком много.

— Я не о ваших источниках, кандидат, — добавил Ратников. — Я о праве. Не путайте. Он вернулся за стол.

— Теперь главный вопрос: что вы подписывали за последние две недели?

— Ничего, — сказал я.

Рудницкий тоже ответил сразу:

— Мы заблокировали любые формы опеки. И от имени кандидата не подписывалось ничего, кроме академических журналов посещений.

— Журналы — тоже подписи, — заметил Ратников. — Особенно если их подсовывают в правильном месте. Кандидат, вы читаете, что подписываете?

Я открыл рот, чтобы сказать да, но вовремя вспомнил, что в этом кабинете даже да может стоить дорого.

— Теперь читаю, — сказал я.

Ратников кивнул.

— Хороший ответ. Запомните: в юридической магии всегда — **ложь**, никогда — **ловушка**, обещаю — **самоубийство.**

Он потянул к себе тонкую папку, на которой стоял штамп кафедры.

— Я получил копию вашего дела на уровне допуска кафедры, — сказал он. — Очень урезанную. Но мне хватило.

Он открыл папку и, не показывая листов, произнёс:

— Кандидат Шереметьев, вам предложат простое соглашение. Вам скажут, что это для вашей защиты. Вам скажут, что без этого Академия не сможет вас держать.

Он поднял глаза:

— Это будет контрактная печать.

Я кивнул. Я уже видел это в письме.

— И она ограничит источник, — сказал я.

— Если вам повезёт, — спокойно ответил Ратников. — Если не повезёт — она ограничит **вашу волю.** Источник — это техника. Воля — это человек.

В комнате повисла тишина.

Я вдруг вспомнил серые глаза посылной и её фразу:

Не пользуйтесь приказом при свидетелях.

Ратников продолжил:

— Теперь про курьера без лица. Это не один человек и не одна девушка в чужой комнате.

Он произнёс это так, будто видел мою сцену — или видел сотни таких.

— Это **роль**, — сказал он. — Её может сыграть любой, у кого есть доступ к соответствующей печати. ИСВП любит такие роли. Регентская канцелярия иногда ими пользуется. Сектор — ненавидит, но тоже умеет.

Рудницкий чуть заметно напрягся:

— Вы уверены насчёт канцелярии?

— Уверен в одном, — ответил Ратников. — Когда у роли два хозяина, правду определяет тот, у кого в руках реестр.

Он посмотрел на меня:

— Кандидат, вы понимаете, что письма могут быть не тем, чем кажутся?

— Понимаю, — сказал я. — Но письмо спасло мне жизнь. Или пыталось.

— И то, и другое иногда одно и то же, — отрезал Ратников.

Он достал из ящика стола небольшую карточку — пустую, белую, без гербов.

— Это — учебная карточка фиксации, — сказал он. — Без печати она ничего не стоит.

С печатью — стоит больше, чем вы готовы отдать.

Он положил её передо мной.

— Что вы сейчас хотите сказать?

Я посмотрел на карточку. На секунду в голове возникла простая фраза: Я запрещаю вам — и тело отозвалось неприятным холодом, будто кровь решила забыть, что она жидкость.

Я резко выдохнул и ничего не сказал.

Ратников удовлетворённо кивнул:

— Уже учитесь.

— Первое, никаких подписей без двух свидетелей, которым вы доверяете. И один из них — Рудницкий.

— Второе. Никаких произнесённых обещаний.

— Третье. Если вам дают бумагу и говорят это формальность — это не формальность.

Он посмотрел на меня чуть мягче, но только чуть:

— И четвёртое, кандидат. Вы не будете один. С этого момента вы — объект не только защиты, но и изучения. Сектор любит изучать людей в одиночку.

Я вспомнил, как страж сказал внутренний контур безопасно. И как в моей комнате оказалась посыльная.

— Значит, меня уже изучают, — сказал я.

— Да, — спокойно подтвердил Ратников. — Но теперь вы начнёте изучать их. Законно.

Он сделал паузу и добавил:

— А теперь самое неприятное: покажите мне конверт канцелярии.

Я замер.

— Я не принёс, — сказал я, осторожно.

Ратников не повысил голос.

— Тогда вы принесёте его завтра. И карточку. И бумагу. И вы их **не переписете** и не перепечатаете, и не дадите никому в руки до того, как я увижу.

Рудницкий взглянул на меня так, будто это был приказ, который можно выполнить безопасно.

— Хорошо, — сказал я.

Ратников кивнул и впервые предложил нам сесть — жест, который означал: первая часть беседы закончилась, начинается вторая.

Мы сели.

— Теперь расскажите, — произнёс Ратников, — подробно и без художественных украшений: как именно выглядела девушка, как она вошла и как вышла.

Я начал говорить — осторожно, короткими предложениями, словно каждое слово могло стать цепью.

И где-то на третьей минуте, когда я описывал её руки и то, как пальцы ставили печать на воздух, Ратников поднял ладонь.

— Стоп, — сказал он.

Он смотрел не на меня. На мою шею — чуть ниже уха, туда, где иногда пульсирует кровь, когда ты врёшь или боишься.

— Магистр Рудницкий, — произнёс он тихо. — Вы это видите?

Рудницкий наклонился ближе. Лицо у него стало жёстким.

— Метка, — сказал он.

— Какая? — спросил я, и голос у меня вышел ровнее, чем хотелось бы.

Ратников встал, подошёл и, не касаясь, провёл пальцами в воздухе рядом с моей кожей. Воздух на мгновение стал плотнее.

— Это не метка сектора, — сказал он. — У сектора метка всегда хочет быть заметной для реестра.

Он посмотрел мне в глаза:

— Это метка курьерской роли. Мягкая. Временная. Она отмечает вас как **адресата**.

Внутри меня что-то холодно щёлкнуло.

— То есть ко мне можно прийти ещё раз? — спросил я.

— Не можно, — ответил Ратников. — **Придут**.

Рудницкий встал.

— Тогда кандидат под моей охраной, — сказал он. — Я оформлю.

Ратников покачал головой:

— Оформите — и сектор увидит. Они любят, когда вы действуете правильно. Это облегчает им прогноз.

Он вернулся за стол и вдруг произнёс фразу, которая прозвучала как приговор и как инструкция одновременно:

— Мы сделаем так, чтобы следующий курьер пришёл **при свидетелях**.

Я почувствовал, как внутри поднимается страх — и рядом с ним странное, почти злое любопытство.

— А если он придёт не один? — спросил я.

Ратников посмотрел на меня спокойно:

— Тогда вы, кандидат, сделаете то, чему вас здесь учат.

— И чему? — спросил я.

Он указал на доску, где было написано первое правило.

— **Сказанное вслух — печать**, — произнёс он. — Научитесь говорить так, чтобы ваши слова были щитом, а не ножом у вашего горла.

Он закрыл папку.

— Завтра утром вы принесёте мне конверт. Сегодня — вы идёте с Рудницким. Никаких одиночных прогулок. Никаких разговоров между делом. И если кто-то спросит, что вы делаете на моей кафедре

Рудницкий закончил за него:

— мы скажем, что изучаем устав.

Ратников впервые улыбнулся — коротко, без доброты, но с удовлетворением.

— Именно, — сказал он. — Устав — это слово, которое всегда звучит достаточно скучно, чтобы от него отстали.

Мы вышли.

Коридор был прежним, свет ровный, воздух спокойный. Но теперь я чувствовал на коже, под ухом, несуществующий ожог.

Метка адресата.

И мысль, от которой хотелось смеяться и ругаться одновременно: в Академии даже письмо может быть не письмом, а дверью.

— Рудницкий, — тихо спросил я, пока мы шли. — Если мои слова могут стать законом как мне вообще говорить?

Он посмотрел на меня искоса.

— Очень дорого, — сказал он. — И очень точно.

Я не понял, что он имел в виду дорого, но тело вдруг отозвалось слабой болью в пальцах — как будто само напоминало: за точность тут платят не чернилами.

И мы ускорили шаг.

Потому что следующий курьер мог прийти в любую минуту

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.